

подобныхъ открытыхъ нападеній и тайныхъ козней іезуитовъ почти дѣлое столѣтіе. Но съ начала XVIII вѣка силы его стали ослабѣвать; оказалась недостатковъ въ братчикахъ, въ большинствѣ дворянъ, подпавшихъ подъ вліяніе католицизма; русскій языкъ уступилъ мѣсто польскому. Когда угасло братство—съ точностію неизвѣстно, но все имущество его оказалось въ рукахъ католиковъ, а Крестовоздвиженскій храмъ перешелъ во владѣніе униатскихъ монаховъ-базилианъ.

Въ 1793 году, по возвращеніи Юго-Западнаго края Россіи, Крестовоздвиженскій храмъ былъ обращенъ въ православный соборъ, но въ 1803 году онъ сгорѣлъ, и отъ него остались однѣ развалины. Евреи воспользовались этимъ, устроили въ оградѣ храма лавки, удѣлвшія отъ пожара стѣны большею частью подвергли сломѣ, а самое мѣсто завалили и загрязнили мусоромъ.

Возникшее вновь въ 1871 г. Крестовоздвиженское братство не имѣло силъ поддержать разрушившійся братскій храмъ свой, но, благодаря стараніямъ покойнаго кіевскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта А. Р. Дренгельна, изысканы были средства къ сохраненію оставшейся въ цѣлости самой важной алтарной части храма.

Заботы нынѣ существующаго братства крайне разнообразны. Въ то время, какъ надъ городомъ Луцкомъ господствуетъ грандіозный, построенный іезуитами, римско-католическій кафедральный костелъ, православный соборный храмъ не имѣетъ даже благоприличныхъ колоколовъ. Облагаченіе церковное въ немъ крайне бѣдно; средства же храма прямо убоги. Хоръ пѣвчихъ содержится исключительно на средства братства, членами котораго состоятъ почти одни мѣстные чиновники и военно-служакіе.

Несмотря, однако, на крайнюю

ограниченность своихъ матеріальныхъ средствъ, братство успѣло возстановить изъ развалинъ древній Крестовоздвиженскій храмъ, освященіе котораго назначено на 14 число наступающаго сентября.

Изъ записокъ сельскаго учителя *).

Не разъ, въ теченіе моей учительской дѣятельности, приходилось мнѣ слышать отъ людей, сочувствующихъ школьному дѣлу, вопросъ, на который мнѣ было невозможно дать какой-либо отвѣтъ. Меня спрашивали, какое вліяніе оказываетъ моя школа на крестьянское населеніе нашего околотка, какъ отражается пребываніе въ ней на послѣдующей жизни моихъ учениковъ, на умственномъ и нравственномъ строѣтѣхъ семействъ, которыя посылаютъ дѣтей своихъ въ школу. Вопросы полнѣе естественные и законные. Школьная дѣятельность, не вносящая ничего добраго въ послѣдующую жизнь питомцевъ школы, была бы безсмысленною тратою времени и силъ; мало того, она приносила бы положительный вредъ, лишая дѣтей полнаго воздѣйствія той жизненной школы, въ коей руководителями ихъ являются ихъ родители—люди, хотя темные, но болѣе всѣхъ заинтересованные въ ихъ благѣ.

Но вопросы эти, при всей ихъ естественности и законности, до сихъ поръ казались мнѣ преждевременными. Мнѣ всегда думалось, что доброе вліяніе школы на жизненный строй пользующагося ею люда можетъ обнаружиться лишь черезъ нѣсколько поколѣній, что безспорные результаты въ этой области могутъ быть достигнуты лишь вѣками непрерывнаго труда. Приступая къ занятіямъ школьнымъ дѣломъ въ лѣтахъ

*) Изъ журнала „Русскій Вѣстникъ“ 1889 года кн. VIII.

уже зрѣлыхъ, я былъ вполне убѣжденъ, что не доживу ни до одного изъ тѣхъ результатовъ, изъ-за коихъ только и стоить заниматься этимъ дѣломъ. Убѣжденіе это, нисколько не умаляя моей вѣры въ пользу добросовѣстнаго школьнаго ученія, заставляло меня работать усиленно, въ надеждѣ, что трудъ мой сколько-нибудь приблизитъ отдаленное время жатвы, которую собрать суждено не мнѣ, ибо—внѣсть сѣяй, и инъ есть жней.

Но въ теченіе минувшей зимы случилось нѣчто, совершенно для меня неожиданное. Обнаружился симптомъ воздѣйствія моей школы на окрестное населеніе, который считаю долгомъ отмѣтить въ моихъ запискахъ, который считаю умѣстнымъ довести до свѣдѣнія моихъ собратьевъ по школьному дѣлу. Симптомъ этотъ, пока ничтожный, но отрадный, быть можетъ, подастъ инымъ дѣятелямъ, болѣе меня авторитетнымъ, энергическимъ и умѣлымъ, мысль о нѣкоторомъ расширеніи ихъ школьной дѣятельности.

Разскажу дѣло по порядку.

Съ самаго начала моей школьной работы я не могъ не обратить вниманія на вопіющее зло, причиняемое моимъ ученикамъ постояннымъ усиленіемъ пьянства въ крестьянской средѣ. Порокъ этотъ прививается къ крестьянскимъ дѣтямъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, еще задолго до поступленія въ школу. Конечно, привычка къ употребленію спиртныхъ напитковъ у малыхъ дѣтей не встрѣчается. Но пристрастіе къ водкѣ между ними весьма распространено и постоянно поддерживается и усиливается безумнымъ обычаемъ родителей—подъ пьяную руку поить своихъ дѣтей и забавляться ужаснымъ зрѣлищемъ ихъ опьянѣнія, ихъ безсознательнымъ сквернословіемъ, ихъ подражаніемъ цыганымъ безобразіямъ старшихъ. Не знаю, видѣлъ ли читаю-

щій эти строки — пьянаго ребенка. Если онъ далекъ отъ среды, въ коей явленіе это—заурядное, не дай Богъ ему быть его свидѣтелемъ. Если же онъ къ ней близокъ, дай Богъ, чтобы онъ увидѣлъ то, чего описать я не берусь: вѣрю, что онъ сдѣлается моимъ сотрудникомъ.

А дѣти закоренѣлыхъ пьяницъ! Врачамъ хорошо извѣстны то сочетаніе малокровія съ зародышами всевозможныхъ нервныхъ недуговъ, та физическая и нравственная дряблость, тотъ роковой позывъ къ спиртнымъ напиткамъ, та печать наследственнаго алкоголизма, съ кою приходится знакомиться и всякому внимательному учителю.

Само собою разумѣется, что въ моей школѣ пьянство сдѣлалось предметомъ частыхъ и настойчивыхъ бесѣдъ съ учениками. Онѣ казались успѣшными. Зло столь очевидное, столь горько отзывавшееся на жизни дѣтей, не могло представляться имъ иначе, какъ зломъ. Давались обѣщанія, принимались искреннія рѣшенія ему не поддаваться. На счетъ необходимости ограждать отъ него дѣтей соглашались со мною и всѣ разумные родители. Но самый простой случай не замедлил убѣдить меня въ совершенной недостаточности подобныхъ поученій и разговоровъ.

Между моими первыми учениками былъ мальчикъ, который постоянно радовалъ меня своимъ прекраснымъ характеромъ, своими способностями и успѣхами. Сынъ зажиточныхъ родителей, крестьянъ землевладѣльцевъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды отрываться отъ своей среды, искать занятій въ городахъ. Но по окончаніи курса въ моей школѣ, онъ учился еще два года въ министерскомъ двухклассномъ училищѣ, тогда, по случайнымъ обстоятельствамъ, находившемся въ полномъ моемъ завѣдываніи; затѣмъ

мнѣ удалось подучить его землѣбрію, и онъ вернулся въ семью, къ земледѣльческому труду, къ коему не утратилъ ни способности, ни охоты, а въ свободное время сталъ заниматься межеваніемъ. Ко мнѣ и къ моей школѣ онъ сохранилъ самыя близкія отношенія.

Лѣтъ семь тому назадъ, вскорѣ послѣ одного изъ нашихъ храмовыхъ праздниковъ, въ аллеѣ, проходящей по близости отъ школы, встрѣтился мнѣ мой питомецъ. Сидѣлъ онъ въ телѣгѣ, какъ-то странно покачиваясь, и на обликъ мой окинулъ меня мутнымъ, бессмысленнымъ взглядомъ...

Онъ былъ совершенно пьянъ.

У меня захватило духъ отъ раскаянія и стыда. Оказалось вдругъ, несомнѣнно, неопровержимо, что для этого юноши, столь счастливо одареннаго, о коемъ я такъ много думалъ, такъ много старался, я не сдѣлалъ ровно ничего, или точнѣе, упустилъ сдѣлать то, безъ чего все прочее ни малѣйшей цѣны не имѣетъ, — не закалилъ его воли противъ самаго обыденнаго, самаго опаснаго изъ искушеній.

Для меня стало очевиднымъ, что для огражденія моихъ учениковъ отъ обуржуающаго ихъ зла нужны средства болѣе сильныя, чѣмъ простыя увѣщанія и поучительныя рѣчи, и единственное средство, которое я могъ придумать, было устройство въ тѣсномъ кругу моихъ учениковъ (изъ коихъ многіе въ то время были уже взрослыя)—общества трезвости, т. е. абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ. Мысль о такомъ обществѣ была встрѣчена большинствомъ моихъ учениковъ въ высшей степени сочувственно, и 5 іюля 1882 г., въ день моихъ именинъ, послѣ молебна прееподобному Сергію, нами былъ произнесенъ въ церкви торжественный обѣтъ такого воздержанія, срокомъ на одинъ

годъ *). Съ тѣхъ поръ обѣтъ этотъ ежегодно возобновлялся 5 іюля почти тѣми же лицами, съ небольшимъ ежегоднымъ приростомъ. Число членовъ нашего общества колебалось между 50 и 70 (кромѣ дѣтей). Состояло общество почти исключительно изъ бывшихъ учениковъ Гатевской школы, и постоянное его ядро составляли вышедшіе изъ этой школы учителя.

Польза, приносимая этимъ маленькимъ обществомъ его членамъ, не замедлила обнаружиться. Абсолютная трезвость моихъ учителей придавала ихъ дѣятельности ту непрерывность, ту порядочность, безъ коихъ немислимъ успѣхъ школьнаго дѣла; возвысила ихъ авторитетъ въ глазахъ учениковъ и ихъ родителей; художниковъ моихъ она оградила отъ тысячи искушеній, удвоила ихъ способность къ производительному труду; тѣхъ изъ моихъ учениковъ, коимъ пришлось искать хлѣба насущнаго вдали отъ родины, въ разнообразныхъ практическихъ занятіяхъ, она разительно подняла въ цѣнѣ. Нечего и говорить о томъ, что для тѣхъ изъ моихъ учениковъ, которые поступили въ званіе духовное, трезвость приобрѣла величайшую важность. Всѣмъ она принесла ту невѣсомую, но неоцѣненную пользу, которую приносить всякое сознательное самоограниченіе, всякое постоянное упражненіе воли, направленной къ добру.

Тѣмъ не менѣе, я не рѣшался дѣйствовать въ смыслѣ расширенія нашего маленькаго общества. Лишенный всякаго краспорѣчія, говорить съ толпою я неспособенъ, умѣю говорить съ людьми только въ одиночку, а на такіе разговоры школьныя занятія оста-

*) Вслѣдъ затѣмъ мнѣ было разъяснено, что обѣты въ такой формѣ, слишкомъ напоминающей присягу, допущены быть не могутъ. Ограничиваемся теперь молебномъ, внутреннимъ обѣтомъ и цѣлованіемъ иконы.

вляють мнѣ весьма мало времени. Къ тому же я боялся вызывать обѣщанія слишкомъ необдуманнаго и поспѣшнаго со стороны лицъ, недостаточно мнѣ знакомыхъ, боялся наплыва въ общество членовъ неблагонадежныхъ. Впрочемъ, я пользовался, для бесѣдъ о трезвости, единственнымъ случаемъ, который для этого представляетъ мой образъ жизни. Въ воскресные дни, между утренею и обѣднею, въ школу приходятъ многіе крестьяне, приходятъ въ настроеніи добромъ и благоговѣйномъ, съ желаніемъ услышать, или, если они грамотны, прочесть что-либо душеполезное. Въ разговорахъ съ ними рѣчь, естественнымъ образомъ, весьма часто касалась пьянства: немногіе изъ нихъ (по большей части родители или родственники моихъ учениковъ) присоединялись къ нашему обществу трезвости.

Такъ тянулось дѣло до прошлой осени. Но тутъ внезапно наступила перемѣна. Въ воскресенье, 25 сентября, ко мнѣ пришли передъ обѣднею семь крестьянъ, почти всѣ мнѣ незнакомые, изъ разныхъ, отчасти отдаленныхъ деревень, и рѣшительно и настойчиво заявили желаніе присоединиться къ нашему обществу. Я подумалъ, что собрались они въ этотъ день потому, что это—день памяти преподобнаго Сергія, во имя коего устроено наше общество; но оказалось, что никто изъ нихъ этого не звалъ, и совпаденіе это произвело на новыхъ членовъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного воскресенья, ни одного праздника (за изъятіемъ двухъ или трехъ), безъ новыхъ присоединеній, и нынѣ число членовъ нашего общества возросло до 383. Къ великой моей радости, ни въ одинъ изъ этихъ дней число присоединеній не было значительно, что дало мнѣ возможность поговорить по-

чти съ каждымъ изъ новыхъ членовъ въ отдѣльности. Лишь одинъ разъ число это возросло до 29; но это все были люди знакомые, изъ ближайшихъ деревень,—отцы, матери, братья нашихъ учениковъ.

Но этого мало. Еще въ теченіе прошлаго года, въ двухъ сосѣднихъ приходяхъ, Травинѣ и Шопотовѣ, возникли, по почину молодыхъ, усердныхъ священниковъ*), общества трезвости, подобныя Татевскому, а въ селѣ Пречистомъ, Духовщинскаго уѣзда, въ коемъ священствуетъ одинъ изъ бывшихъ учителей моихъ школъ, заразъ дали обѣтъ трезвости 250 членовъ. Великимъ постомъ возникли общества трезвости въ сосѣднемъ селѣ Меженинкѣ, подъ влияніемъ прекрасной тамошней школы, и въ селѣ Дровнинѣ, Гжатскаго уѣзда, гдѣ учительствуетъ бывший мой помощникъ В. А. Лебедевъ, молодой человекъ, обладающій рѣдкими педагогическими талантами и прекраснымъ даромъ слова. Тутъ, благодаря дружной дѣятельности учителя и образцоваго, всѣми любимаго священника (его отца), дѣло пошло особенно успѣшно: число членовъ быстро возросло до 700.

Смутное движеніе это, не смотря на свои болѣе чѣмъ скромные размѣры, заслуживаетъ вниманія, вызываетъ на размышленіе о его причинахъ. Отмѣчу то, что выяснилось для меня изъ наблюденій моихъ надъ нимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ играютъ не малую роль причины весьма общія. Изъ нихъ прежде всего бросается въ глаза значительное усиленіе пьянства за послѣднее десятилѣтіе, подъ влияніемъ новаго питейнаго устава и экономическихъ невзгодъ послѣднихъ го-

*) Священники эти долго колебались принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, которое представлялось имъ преждевременнымъ, едва-ли позволительнымъ, но движеніе, возникшее въ Татевѣ, побѣдило ихъ сомнѣнія.

довъ. Значительное умноженіе мѣсть раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ (вишныя лавки, de facto—тѣ же кабаки), возымѣло свое естественное дѣйствіе. Въ то же время, общее безденежье повлекло за собою чудовищное развитіе пагубнаго обычая платить за разныя сельскія работы не деньгами, а водкою. Обычай этотъ, въ хозяйствахъ кабатчиковъ составляющій правило, распространился на всѣ мелкія и среднія хозяйства потому, что въ рабочую пору всѣ доходы предъидущаго года въ нихъ истощены, а единственные мѣстные капиталисты — тѣ же кабатчики, естественнымъ образомъ предпочитаютъ ссужать своихъ нуждающихся сосѣдей водкою, которая послѣ жатвы возвращается имъ, съ приличными процентами, хлѣбомъ или деньгами. Этимъ способомъ получалась, повидимому дешево, работа весьма плохаго качества, но уже прошлымъ лѣтомъ, вслѣдствіе возрастающей требовательности рабочихъ относительно количества воды, дешевизна эта оказывалась мнимою, и работы эти принимали характеръ безобразныхъ попойекъ. По странному извращенію понятій, такія работы за водку не считаются грѣховными и въ воскресные и праздничные дни, и хотя по большей части начинаются послѣ обѣдни, но, въ силу удаленности большинства деревень отъ церквей, въ значительной мѣрѣ отвлекаютъ народъ отъ посѣщенія церковныхъ службъ. Само-собою разумѣется, что и при всѣхъ прочихъ денежныхъ сдѣлкахъ, подъ вліяніемъ кабатчиковъ, безъ помощи коихъ онѣ не обходятся, деньги, гдѣ только это возможно, замѣняются водкою. Слѣдствіе всего этого — ужасающее возрастаніе пьянства, ежегодное учащеніе случаевъ замерзанія, утопленія, убійства, совершенно непредумышленныхъ, въ пьяныхъ дракахъ, наконецъ, случаевъ смертельнаго

отравленія алкоголемъ. Не говорю уже о послѣдствіяхъ пьянства, менѣе рѣзкихъ, но болѣе общихъ: о безчисленныхъ болѣзняхъ, развратѣ, семейныхъ раздорахъ, обнищаніи, постепенномъ нравственномъ одичаніи... Отвращеніе и ужасъ, возбуждаемые въ здоровой части сельскаго населенія этими повсемѣстными, грозными явленіями, несомнѣнно способствовали возникновенію въ нашихъ краяхъ обществъ трезвости.

Но это — причина лишь предрасполагающая, сама по себѣ очевидно недостаточная, чтобы вызвать энергическій отпоръ возрастающему злу. Есть причины ближайшія, и на одну изъ нихъ считаю долгомъ настойчиво указать.

Между этими причинами на первомъ планѣ стоитъ размноженіе школъ. Движеніе возникло въ школьной средѣ, ею поддерживается и распространяется. Только въ доброй школѣ дѣти слышатъ безусловное порицаніе пьянства, слышатъ своевременное предостереженіе отъ пагубной привычки, и — что еще важнѣе, — только въ ней видятъ они примѣръ жизни, совершенно трезвой, испытываютъ на себѣ ея благотворное вліяніе. Только между бывшими воспитанниками школъ встрѣчаются люди, усердно хлопочущіе о распространеніи трезвости въ своихъ семьяхъ, въ своихъ деревняхъ. Конечно, еще болѣе, чѣмъ ихъ рѣчи, дѣйствуетъ ихъ примѣръ, видъ того относительнаго благосостоянія, которое водворяется въ трезвой семьѣ въ силу одной ея трезвости. При этомъ не остался безъ вліянія и примѣръ тѣхъ изъ учениковъ нашихъ школъ, которые, благодаря твердой грамотности, трезвости и честности, отчасти при способностяхъ самыхъ заурядныхъ, устроили свою жизнь съ выдающимся успѣхомъ. Изъ предварительной бесѣ-

ды съ лицами, приходящими присоеди- няться къ нашему обществу трезвости, я почти постоянно узнаю, что первымъ побужденіемъ къ этому шагу послужило знакомство съ кѣмъ-либо изъ давнишнихъ членовъ общества, задушевный съ нимъ разговоръ, или просто выгодное впечатлѣніе, произведенное этими членами на праздникѣ или свадьбѣ.

Но еще существеннѣе, еще дѣйстви- тельнѣе этого прямого вліянія школы на распространеніе трезвости—ея косвенное вліяніе, посредствомъ оживленія и углубленія религіознаго чувства. Религіозный характеръ всегда присущъ русской сельской школѣ, ибо постоянно вносится въ нее самими учениками. Чтобы заглушить его, нужны мѣры искусственныя, превратное воспитаніе учителей, въ большинствѣ вышедшихъ изъ той же крестьянской среды,—и тогда школа просто вредна—и систематическое развращеніе дѣтей дурными примѣрами. Въ нашемъ школьномъ районѣ, въ коемъ большинство учителей—воспитанія домашнего, этихъ неестественныхъ условий не существуетъ. Можетъ быть, зло, причиняемое въ этомъ отношеніи учителями, вообще не такъ велико, какъ это можетъ казаться по отдѣльнымъ рѣзкимъ случаямъ. Продолжительность, сколько-нибудь значительную, имѣетъ педагогическая дѣятельность лишь учителей домашняго воспитанія *), замѣтное же вліяніе на нравственный строй учащихся пріобрѣтается лишь продолжительною учительскою дѣятельностію на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, но въ нашей мѣстности размноженіе правильно поставленныхъ школъ имѣло вліяніе на оживленіе религіознаго чувства. Церкви во время службы все болѣе напол-

няются, часто не вмѣщаютъ молящих- ся. До сихъ поръ я приписывалъ это явленіе устройству при церквяхъ школь- ныхъ пѣвческихъ хоровъ и не придавалъ ему особеннаго значенія. Но за послѣдніе два года стало рѣзко обозначаться, кромѣ увеличенія числа богомольцевъ, измѣненіе въ составѣ молящейся братіи. Еще лѣтъ десять тому назадъ, главный контингентъ по- сѣтителей церковей составляли люди пожилые и старые. Нынѣ же большин- ство молящихся—люди молодые. Что ихъ привлекаетъ въ церковь не одно пѣніе—ясно обнаружилось минувшею зимою. Эти усердные посѣтители церк- вей первые примкнули къ нашимъ возникающимъ обществамъ трезвости.

Въ теченіе двухъ истекшихъ зимъ, весьма часто въ нашей церкви произносились поученія—двумя моими по- мощниками, окончившими курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и горячо пре- данными дѣлу трезвости. Кромѣ того, въ нашей школѣ и въ нѣкоторыхъ со- сѣднихъ установился обычай—между утренею и обѣднею читать вслухъ захо- дящимъ въ школы крестьянамъ что-нибудь назидательное. Всего пригод- нѣе для такихъ чтеній, по размѣрамъ отдѣльныхъ статей, по богатству со- держанія, прекрасному языку и заду- шевному тону, оказались „Троицкіе листки“, издаваемые о. Никонемъ, іеро- монахомъ Троице-Сергіевой Лавры *).

Наблюденія мои за двѣ минувшія зимы вполне убѣдили меня въ томъ,

*) Кромѣ „Троицкихъ листковъ“ съ величайшею охотою слушаются житія святыхъ, въ многочис- ленныхъ ихъ редакціяхъ, и всякія проповѣди, на- писанныя языкомъ простымъ и яснымъ. „Троицкіе листки“, направленные противъ пьянства (№№ 8, 70, 150, 454) доставили мнѣ случай впервые наблюдать практическое вліяніе печатнаго слова на сельскихъ грамотѣевъ. Нѣкогорые изъ нихъ, прочитавши эти листки (усердно мною распростра- няемые), пришли издалека присоединиться къ на- шему обществу.—Такое же дѣйствіе на крестьянъ болѣе развитыхъ производить рассказы о. Наумо- вича: „Какъ устроился общества трезвости“.

*) См. „Русскій Вѣстникъ“ май, „Внутреннее обозрѣніе“ стр. 329.

что церкви наши привлекаютъ возрастающее количество богомольцевъ не однимъ церковнымъ пѣніемъ, но и возможностью услышать слово назиданія, а возникновеніе обществъ трезвости доказываетъ, на какую благодарную почву падаетъ это скромное сѣмя, какъ рядомъ съ вниманіемъ къ доброму слову рождается стремленіе осуществить въ жизни воспринятое сердцемъ ученіе. Рядомъ съ реакціею противъ пьянства постоянно является реакція противъ сквернословія, забота о достойномъ проведеніи праздничныхъ дней. Ибо преобладающимъ мотивомъ присоединенія къ обществу трезвости всегда является мотивъ религиозный; отнюдь не желаніе лишь вести жизнь экономически болѣе выгодную, а жить жизнію „Богу угодною“; и только церковная форма отреченія отъ пьянства въ этомъ дѣлѣ оказалась болѣе, чѣмъ формою, а духовнымъ актомъ, связующимъ совѣсть.

Результаты эти, по размѣрамъ своимъ, собственно, ничтожны. Но знаю, что они порадуютъ всѣхъ истинныхъ друзей истиннаго школьнаго дѣла, знакомыхъ съ его трудностями, сознающихъ, какъ мало до сихъ поръ сдѣлано и криво сдѣлано на этомъ поприщѣ. Существующія у насъ сельскія школы, относительно наличной потребности въ нихъ, столь малочисленны, каждая изъ нихъ до сихъ поръ столь недостаточно овладѣла собственнымъ своимъ школьнымъ райономъ, что толковать о скудной духовной пищѣ, доставляемой ими, преждевременно и совѣстно. Мы должны почитать себя счастливыми, если онѣ дѣйствуютъ, какъ ферментъ, какъ закваска, и если закваска эта оказывается здоровою и доброю.

Но прежде чѣмъ указать на мои посильныя заключенія изъ школьнаго опыта минувшей зимы, не могу не

упомянуть съ глубокимъ стыдомъ и раскаяніемъ объ одномъ обстоятельстве, существенно способствовавшемъ возникновенію нашихъ обществъ трезвости. Само собою разумѣется, что приступая къ устройству, въ средѣ моихъ учениковъ, такого общества, я самъ безусловно отказался отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ. При открытіи другихъ обществъ также нашлись люди изъ мѣстной интеллигенціи (священники, помѣщики), которые послѣдовали моему примѣру. Всѣ эти лица, точно такъ же, какъ и я, никогда не были пьяницами, а сдѣлали это изъ доброжелательства къ людямъ слабымъ, нуждающимся въ поддержкѣ не однимъ словомъ, но и примѣромъ. И эту простую вещь я догадался сдѣлать лишь подъ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ долгихъ и бесплодныхъ сокрушеній объ окружающемъ меня пьянствѣ! А между тѣмъ это ничтожное самоограниченіе оказалось самымъ могучимъ рычагомъ моего личнаго участія въ дѣлѣ, такъ какъ поучать, проповѣдывать я рѣшительно не умѣю. Мало того, я убѣдился, что и люди, одаренные краснорѣчіемъ, проникнутые наилучшими намѣреніями, остаются совершенно безсильными въ борьбѣ съ пьянствомъ, пока лично не устраняютъ отъ себя всякую его возможность... Никогда, столь ясно и горько, какъ по этому поводу, не чувствовала я степени моей личной виновности въ окружающемъ меня злѣ. Фактъ этой виновности, по отношенію къ пьянству, особенно очевиденъ. Въ крестьянской средѣ не существуетъ того умѣреннаго, но постоянного употребленія спиртныхъ напитковъ, коего придерживаются высшіе классы общества. Существуетъ абсолютная трезвость — или пьянство, болѣе или менѣе частое, болѣе или менѣе безобразное. Не средства для усиленія

аппетита, не гигиенической приправы къ пищѣ, не легкаго, мимолетнаго возбужденія ищетъ крестьянинъ къ водкѣ, но быстро, могучаго подъема нервнаго строя и слѣдующаго за нимъ безсознательнаго наркоза. Между тѣмъ, каждый изъ насъ, съ своею рюмкою водки передъ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ, при добавочныхъ рюмкахъ и стаканахъ винограднаго вина, поглощаетъ въ годъ несравненно болѣе алкоголя, чѣмъ самый отчаянный пьяница изъ крестьянъ. Убѣдить этого пьяницу, что мы, его осуждающіе — люди трезвые, болѣе чѣмъ трудно. Напротивъ того, получается впечатлѣніе, что мы, господа, толкующіе о трезвости, сами пьемъ въ волю, чего ему никогда не удастся достигнуть. Слагается представленіе, что это питье въ волю и есть одна изъ самыхъ завидныхъ привилегій людей образованныхъ и достаточныхъ... Не говорю уже о томъ, что въ низшихъ слояхъ нашей интеллигенціи, — съ коими преимущественно и постоянно приходится въ соприкосновеніе крестьяне, — въ ужасающихъ размѣрахъ (далеко превышающихъ пьянство деревенское) распространено пьянство самое безобразное.

Что же мы въ правѣ заключить изъ этого кратковременнаго опыта, изъ этихъ отрывочныхъ наблюдений?

Во-первыхъ, что не напрасны тѣ настоячивые труды, тѣ болѣе чѣмъ скромныя издержки, которыя посвящаются восстановленію въ нашихъ сельскихъ школахъ характера церковнаго. Лишь такого характера школа способна распространить свое влияние за тѣсныя предѣлы своей классной комнаты, продлить его за краткій срокъ деревенскаго ученія. Только опора церкви, только жизнь ея и въ ней можетъ дать голосу незрѣлыхъ юношей (каковы большинство нашихъ учителей), можетъ дать ихъ скромному ученію ту

власть надъ лучшими струнами въ сердцахъ дѣтей, можетъ внушить ихъ родителямъ то довѣріе и уваженіе, безъ коихъ невозможна плодотворная школьная дѣятельность. Задача школы типа шестидесятыхъ годовъ — „сдѣлать изъ ребенка человека“ — абсолютно непонятна родителямъ нашихъ школьныхъ ребятъ: они основательно полагаютъ, что дитя ихъ сдѣлается „человѣкомъ“, и не видавши азбуки; стремленіе же школы — сдѣлать изъ дѣтей добрыхъ христіанъ — это всякому понятно и всякому любезно. Къ тому же оно заключается въ себѣ основное дидактическое правило — учить не для экзамена, а для послѣдующей жизни: ибо то, къ чему стремится церковная школа, въ ней достигнуто быть не можетъ, а можетъ быть только подготовлено. Существеннымъ элементомъ ея задачи является прививка грамотности не только прочной, но и способной къ дальнѣйшему развитію, въ смыслѣ сознательности, серьезности, художественности. Церковная школа, по самому существу своему, продолжаетъ собирать питомцевъ своихъ и по окончаніи учебнаго срока, въ качествѣ пѣвцовъ и чтецовъ, въ качествѣ усердныхъ посѣтителей службъ церковныхъ, заходящихъ въ школу за книгою, для свиданія съ учителемъ и младшими товарищами. Только такая школа можетъ оказать дѣйствительное влияние на послѣдующую жизнь въ ней учившихся. Трехъ краткихъ зимъ ранняго ученія слишкомъ мало, чтобы оставить по себѣ слѣды долговѣчныя и глубокіе.

Во-вторыхъ, изъ этихъ наблюдений вытекаетъ заключеніе, еще несравненно болѣе важное. Школьное дѣло можетъ принести жизненный плодъ лишь при поддержкѣ, словомъ и дѣломъ, со стороны окружающей среды, и именно тѣхъ ея представителей, которые, по своему достатку, своему образованію,

своему общественному положенію, на виду у всѣхъ, становятся предметомъ сравнительнаго и бессознательнаго подражанія. Недостаточно для этого — строить школьныя помѣщенія, снабжать ихъ пособіями, приставлять къ нимъ патентованныхъ учителей. Нужно намъ жить тою жизнію духовною и нравственною, которую мы хотимъ вдохнуть въ учениковъ нашихъ школъ. Жестоко слово сіе, но оно истинно. Ибо изъ школы наша жизнь еще виднѣе, чѣмъ изъ деревни; ибо жизненные впечатлѣнія школьнаго возраста имѣютъ вліяніе глубокое и могучее; ибо лицемеріе въ школьномъ дѣлѣ не только бесплодно, но и преступно; ибо на насъ обращены взоры ежегодно возрастающей, сѣрой массы учениковъ нашихъ сельскихъ школъ; ибо не одну нашу рѣчь, не одинъ нашъ костюмъ перенимаютъ они и стараются подражать всѣмъ отгѣнкамъ нашего жизненнаго строя—этого плода искомаго ими знанія, этого итога нашего недоступнаго имъ высокаго образованія. Что, если этотъ плодъ, этотъ итогъ въ ихъ глазахъ окажется совершеннымъ пренебреженіемъ тѣми благочестивыми навывками, кои прививаются имъ въ школѣ, постояннымъ попраиіемъ тѣхъ десяти заповѣдей, которыя они въ этой школѣ заучиваютъ, полнымъ отрицаніемъ тѣхъ божественныхъ истинъ, которыя составляютъ единственное существенное содержаніе школьнаго ученія? Что, если они наглядно убѣдятся въ томъ, что седьмая заповѣдь для людей, получившихъ среднее образованіе, на нравствѣ упразднена, что всѣ виды воровства, перечисленные въ „Начаткахъ“, кромѣ кражи со взломомъ и безъ онаго, составляютъ постоянное занятіе людей образованныхъ, что этимъ людямъ, этой соли земли, не нужны ни молитвы, ни церковныя службы, ни таинства церкви? Глаза дѣтей зорки.

примѣръ разнуданности соблазнительнень. Если въ нашей школьной дѣятельности мы желаемъ изъ царства призраковъ и мнимостей перейти въ область дѣйствительности, если мы намѣрены произвести нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ матеріалъ для школьной статистики; если въ насъ есть хоть капля любви и жалости къ тѣмъ дѣтямъ, надъ которыми мы производимъ наши педагогическіе эксперименты — мы обязаны обратить вниманіе на эту сторону школьнаго дѣла.

На частномъ, относительно мало-важномъ примѣрѣ пьянства мы видимъ, что единственное дѣйствительное средство борьбы противъ зла есть полная побѣда надъ нимъ въ насъ самихъ. Не такъ ли во всемъ прочемъ? Школа, и именно школа церковная, есть лишь та среда, естественная, единственная, гдѣ возможно правильное, духовное взаимодѣйствіе между людьми, коихъ во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ раздѣляетъ цѣлая бездна.

Но ограниченіемъ пока частнымъ вопросомъ о пьянствѣ. Успѣшная борьба съ нимъ немислима безъ извѣстнаго контингента дѣятелей образованныхъ, убѣжденныхъ и абсолютно трезвыхъ, естественныхъ союзниковъ церковной школы въ этомъ дѣлѣ, безъ помощи этой школы бессильныхъ.

За этимъ ли дѣло станетъ? Обращаясь ко всѣмъ юношамъ образованныхъ классовъ, не утратившимъ вѣру въ Бога и любовь къ ближнему, ко всѣмъ воспитанникамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, коимъ всѣмъ, такъ или иначе, придется вліять на среду, менѣе ихъ образованную, зараженную, болѣе или менѣе глубоко, пагубнымъ порокомъ. Ихъ, еще не связанныхъ долготѣною привычкою, еще свободныхъ, умоляю продлить, закрѣпить свою свободу годовымъ обѣтомъ абсолютнаго воздержанія отъ спирт-

ныхъ напитковъ. Вѣрю и знаю, что многіе изъ нихъ по истеченіи года возобновятъ свой обѣтъ, что многіе изъ нихъ современемъ станутъ моими драгоценными сотрудниками *).

Всего настоятельнѣе обращаюсь къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній духовныхъ. Увы! хотя письменная рѣчь дается мнѣ легче устной, чувствую мое безсиліе выразить имъ печатно все то, что наболѣло у меня на душѣ по ихъ поводу **). Но долготѣнній опытъ сельской церковной жизни, но любовь къ церкви, не идейная, не отвлеченная, но реальная и кровная, распространяющаяся на каждого ея служителя, настоящаго и будущаго, даетъ мнѣ право, даже печатно, сказать имъ нѣсколько искреннихъ словъ.

Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится приобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ періодъ—вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладываете созиданія въ себѣ внутренняго челоуѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это—даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпить-

ся не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго—и Богъ дастъ намъ силы на большее, на лучшее...

С. Рачинскій.

Обычныя отговорки нашего народа отъ трезвости *).

Давно уже замѣчено, что человѣческой природѣ свойственно подыскивать и выдумывать оправданія своимъ недостаткамъ и слабостямъ. Неудивительно поэтому, что народъ нашъ, издавна привыкшій къ водкѣ, которая была необходимою принадлежностью всѣхъ его общественныхъ, семейныхъ и церковныхъ радостей и торжествъ, съ величайшимъ трудомъ разстается съ нею; и чѣмъ народъ невѣжественнѣе, грубѣе и темнѣе, тѣмъ тяжелѣе его разлука съ этимъ врагомъ. Всѣмъ извѣстно, что въ городахъ, гдѣ много шинковъ и жидовъ, труднѣе завести трезвость, чѣмъ по селамъ, и въ одномъ и томъ же селѣ легче склонить къ трезвости земледѣльца, чѣмъ ремесленника—кузнеца, ткача, мясника. Легче завести трезвость въ томъ селѣ, гдѣ нѣтъ винокурни, чѣмъ въ томъ, гдѣ она есть,—легче тамъ, гдѣ много земли, сѣногоса, скота и молочныхъ произведеній, чѣмъ тамъ, гдѣ приходится круглый годъ пробавляться ржанымъ хлѣбомъ, да сѣрыми щами. И мы видимъ, что въ селахъ зажиточныхъ трезвость прививается скоро, между тѣмъ какъ въ бѣдныхъ трудно даже положить ей начало.

Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одни охотно заводятъ у себя общества трезвости, находятся такіе, которые, хотя и признаютъ очевидную пользу этихъ обществъ, однако не вступаютъ въ нихъ изъ опасенія нанести вредъ своему здоровью и имуществу полнымъ воздержаніемъ отъ водки и пьянства.

— Почему не вступаете въ общество трезвости? спрашиваетъ батюшка.

*) Предлагаю всякому, кто пожелаетъ дать такой внутренней обѣтъ, отслужить молебень преподобному Сергію и сообщить мнѣ свое имя, для записи въ книгу трезвости Татевской церкви и молитвеннаго поминованія. Адресъ: Сергіѣ Александровичъ Рачинскій, гор. Рязевъ.

**) Прошу всякаго, кого заинтересуютъ эти строки, вступить со мною въ переписку.

*) Изъ приготавлимаго къ печати церковно-народнаго календаря.